

Священник Александр Мазырин

Отношение к обновленческому расколу Святейших Патриархов Тихона, Сергия и Алексия I: сравнение позиций¹



УДК 94(47+57)+271.2-86-9

DOI 10.47132/1814-5574_2025_1_12

EDN QKDBVR

Аннотация: В статье рассматривается отношение трех патриархов Московских — Святейших Тихона (Беллавина), Сергия (Страгородского) и Алексия (Симанского) — к существовавшему в период их правления обновленческому расколу. Приводятся их наиболее выразительные высказывания об обновленчестве (официальные и неофициальные), оцениваются их действия по отношению к раскольникам, в особенности применявшаяся ими практика приема кающихся обновленцев в Патриаршую Церковь, выявляются нюансы их позиций. Патриарх Тихон заявлял о безблагодатности обновленцев, обусловленной тяжестью совершенного ими греха, но в случае их искреннего раскаяния готов был проявлять снисхождение вплоть до признания ряда совершенных в расколе хиротоний. Митрополит Сергий делал акцент на наложении на обновленцев патриархом Тихоном запрещения в священнослужении в 1924 г. Главным критерием признания или непризнания обновленческих хиротоний для него было время их совершения (до или после запрещения, которое, по мысли митрополита Сергия, и делало раскольников безблагодатными). Став в 1943 г. патриархом, Святейший Сергий был вынужден довольствоваться и формальными раскаяниями обновленцев (особенно когда таковые в силу директив НКГБ стали массовыми). Святейший Алексий сочетал подходы обоих своих предшественников: следовал введенному патриархом Сергием порядку приема обновленцев, но подчеркивал и тяжесть совершенного раскольниками иудина греха предательства, обрекавшего защитников Церкви на страдания до крови.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, святой патриарх Тихон (Беллавин), патриарх (митрополит) Сергий (Страгородский), патриарх Алексий (Симанский), гонения на Церковь, обновленческий раскол, прием в Церковь из раскола, канонические прещения, покаянная дисциплина, церковная икономия, еклесиология.

Об авторе: **Священник Александр Владимирович Мазырин**

Доктор теологии, доктор церковной истории, кандидат исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета.
E-mail: am@pstbi.ru ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6490-9745>

Для цитирования: Мазырин А., свящ. Отношение к обновленческому расколу Святейших Патриархов Тихона, Сергия и Алексия I: сравнение позиций // Христианское чтение. 2025. № 1. С. 12–19.

Статья поступила в редакцию 11.10.2024; одобрена после рецензирования 29.10.2024; принята к публикации 16.11.2024.

¹ Доработанный доклад, сделанный на пленарном заседании XVI международной научно-богословской конференции «Актуальные вопросы современного богословия и церковной науки» (СПбДА, 24–25 сентября 2024 г.). При написании текста фрагментарно использована диссертация автора (на правах рукописи) «Обновленческий раскол в Русской Церкви и Православный Восток: специфика взаимоотношений неканонической организации с Константинопольской Патриархией и другими Поместными Церквями» на соискание ученой степени доктора теологии по научной специальности 5.11.2. «Историческая теология», защищенная в декабре 2023 г. в диссертационном совете, созданном на базе ПСТГУ и СПбДА.

KHRISTIANSKOYE CHTENIYE [Christian Reading]

Scientific Journal
Saint Petersburg Theological Academy
Russian Orthodox Church

No. 1

2025

Priest Alexander Mazyrin

Attitude Towards Renovatianist Schism of Most Holy Patriarchs Tikhon, Sergius and Alexy I: Comparison of Their Positions

UDK 94(47+57)+271.2-86-9
DOI 10.47132/1814-5574_2025_1_12
EDN QKDBVR



Abstract: The article examines the attitude of three Patriarchs of Moscow – Most Holy Tikhon (Bellavin), Sergius (Stragorodsky) and Alexy I (Simansky) – to the Renovatianist schism in the times their reign. Their most expressive statements (official and unofficial) about Renovatianism are cited, their actions in relation to schismatics are assessed, especially their practice of accepting repentant renovatianists into the Patriarchal Church, and peculiarities of their positions are determined. Patriarch Tikhon declared the gracelessness of the Renovatianists due to the severity of their sin, but in case of their sincere repentance he was ready to be lenient, even to recognize some ordinations performed in the schism. Metropolitan Sergius stressed that Patriarch Tikhon should ban Renovatianists from priesthood in 1924. For him, the main criterion to recognize Renovatianist ordinations or not was the time of these ordinations (before or after the ban, which, Metropolitan Sergius believed, deprived schismatics of grace). On becoming Patriarch in 1943, Most Holy Sergius was forced to be content even with the formal repentance of the Renovatianists (especially when such cases became widespread due to the orders of the NKGB – People’s Commissariat of State Security). His Holiness Alexy I combined the approaches of both of his predecessors: he followed the procedure of accepting Renovatianists introduced by Patriarch Sergius, but he also emphasized the severity of the Judas’ sin that schismatics had committed, which doomed the defenders of the Church to suffer till bleeding.

Keywords: Russian Orthodox Church, St. Patriarch Tikhon (Bellavin), Patriarch (Metropolitan) Sergius (Stragorodsky), Patriarch Alexy (Simansky), persecution of the Church, Renovatianist schism, acceptance into the Church from the schism, canonical prohibitions, penitential discipline, Church oiconomia, ecclesiology.

About the author: **Priest Alexander Vladimirovich Mazyrin**

Professor, Doctor of Theology, Doctor of Church History, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher at the St. Tikhon’s Orthodox University for the Humanities.

E-mail: am@pstbi.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6490-9745>

For citation: Mazyrin A., priest. Attitude Towards Renovatianist Schism of Most Holy Patriarchs Tikhon, Sergius and Alexy I: Comparison of Their Positions. *Khristianskoye Chteniye*, 2025, no. 1, pp. 12–19.

The article was submitted 11.10.2024; approved after reviewing 29.10.2024; accepted for publication 16.11.2024.

Обновленческий раскол — крупнейший в истории Русской Православной Церкви по количеству отпавшего в него духовенства — существовал в течение трех московских патриаршеств: возник в мае 1922 г. при св. Тихоне (Беллавине); затем продолжился при Сергии (Страгородском), 18 лет управлявшем Русской Церковью в сане митрополита и должностях заместителя патриаршего местоблюстителя и местоблюстителя и лишь под конец жизни ставшем патриархом Московским и всея Руси; был окончательно преодолен во 2-й пол. 1940-х гг. при Святейшем Алексии (Симанском). Отношение каждого из них к советскому обновленчеству имело свои особенности и не было статичным. В чем-то свт. Тихон проявлял к обновленцам большую твердость, чем его преемники, в чем-то — меньшую.

Руководители обновленцев, пользуясь насильственной изолированностью св. патр. Тихона, поначалу представляли дело так, что он едва ли не сочувственно отнесся к их начинанию и добровольно передал им высшую церковную власть. Протоиерей-раскольник Александр Введенский заявлял в июне 1922 г.: «Патриарх с нами беседовал около часу или около полутора часов, и он указал нам на ту громадную трудность, с которой нам, в частности, петроградским священникам, придется столкнуться, когда мы, хотя бы временно, возьмем на себя управление церковью. Мы обсуждали подробно часа полтора этот вопрос, и наконец патриарх согласился с необходимостью немедленно, сейчас же сконструировать Высшее Церковное Управление, о чем сделал соответствующую резолюцию на нашей бумаге...» (Введенский, 1922, 21).

Однако как только у свт. Тихона появилась возможность опровергнуть ложь обновленцев о передаче им власти, он это сделал, причем в весьма сильных выражениях. «[Раскольники], — писал он в послании к Церкви в июле 1923 г., — отделили себя от единства тела Вселенской Церкви и лишились благодати Божией, пребывающей только в Церкви Христовой... Все действия и таинства, совершенные отпавшими от Церкви епископами и священниками, безблагодатны, а верующие, участвующие с ними в молитве и таинствах, не только не получают освящения, но подвергаются осуждению за участие в их грехе» (Акты, 1994, 291). Советские обновленцы стали главными пособниками богоборческой власти в уничтожении Православной Российской Церкви, в этом был их тягчайший грех, отделяющий их от Церкви Христовой.

Однако на практике слова патр. Тихона о безблагодатности обновленческих таинств им же подвергались существенной корректировке. Так, на вопрос одного сергиево-посадского священника, как поступить со Святыми Дарами, оставшимися в его храме после священника-обновленца, предстоятель дал указание «их потребить за первой же литургией и сказал: „Я... думаю, что, хотя красные и еретики и служат и причащаются в суд себе и в осуждение, надо все же бояться осудить их Евхаристические Тайны. Предоставьте о сем деле судить Господу“» (Записки, 1999, 52). Как видно, свт. Тихон мог в бытовой обстановке именовать «красных» не только раскольниками, но и еретиками, однако как человек святой, не стремившийся вывести рациональную формулу для оценки сложившейся церковной ситуации, он вполне совмещал восприятие обновленцев как безблагодатного еретического соборща с опасением опрометчиво заклеить то, что человеческому разуму неподвластно и относится к Божественным Тайнам.

Патриархом Тихоном был признан целый ряд обновленческих епископских хиротоний, совершенных в расколе епископами старого поставления и их ставленниками. Правила приема обновленцев поначалу были довольно мягкими, хотя и требующими обязательного публичного покаяния раскольников. Согласно постановлению Патриаршего Синода марта 1924 г. для признания действительности епископской хиротонии, совершенной в расколе, требовалось, чтобы хоть один из участвовавших в ней архиереев был старого рукоположения (Чины, 2018, 140). В качестве такового годился, например, председатель обновленческого лже-ВЦУ еп. Антонин (Грановский). С наложением на вождей раскольников запрещения в священнослужении патр. Тихон не спешил, для него важнее была духовная сторона дела — искреннее раскаяние в тяжелейшем грехе предательства Церкви.

Митрополит Сергей (Страгородский) в 1926 г. прокомментировал отношение свт. Тихона к обновленцам следующим образом: «На первых порах [он] определил отвлеченно каноническую природу обновленчества как раскол, угрожающий лишением благодати Божией и вечного спасения. Св[ятейший] Патриарх не касался самих деятелей обновленчества, видимо, ожидая их обращения. В отношении прещений он нашел нужным сделать только самое необходимое: объявил недействительными хиротонии, совершаемые архиереями, запрещенными или изверженными, женатыми или второбрачными, а равно и хиротонии, явно нарушающие требования канонов от кандидатов архиерейства или священства (женатые архиереи, второбрачные клирики). И только 5 апреля 1924 года Св[ятейший] Патриарх наложил запрещение на вождей обновленчества, с чем вместе... подпали запрещению и все находящиеся и находившиеся в церковном общении [с] помянутыми вождями» (Официальный ответ, 1927, 2).

Сам будущий патр. Сергей в момент возникновения обновленческого раскола оказался под сильнейшим давлением. Богоборческая власть имела на него особые виды. 7 мая 1922 г. главная партийная газета «Правда» вышла с броской передовицей «„Святейшая“ контрреволюция», в которой был раздел «Раскол в духовенстве». Газета сообщала: «Теперь уже можно говорить о расколе в точном смысле слова. <...> Две части, на которые раскалывается духовенство, еще не сорганизовались – вернее, вторая еще не имеет своего организационного центра. Но самое главное уже налицо: две явственно обнаружившиеся тенденции, два лагеря, которые не только враждебны друг другу, но уже вступают в борьбу. <...> Теперь мы можем насчитать десятками архиепископов, епископов и викариев, которые фактически борются с патриаршим синодским центром» (Раскол в духовенстве, 1922, 1). Первым в списке потенциальных раскольников был указан митрополит Владимирский Сергей (Страгородский).

И действительно, 16 июня 1922 г. им и еще двумя архиереями было подписано воззвание, сразу опубликованное обновленцами в их официозе «Живая Церковь»: «Мы... рассмотрев платформу Временного Церковного Управления и каноническую законность Управления, заявляем, что целиком разделяем мероприятия Временного Церковного Управления, считаем его единственной канонически законной верховной церковной властью и все распоряжения, исходящие от него, считаем вполне законными и обязательными. Мы призываем последовать нашему примеру всех истинных пастырей и верующих сынов церкви, как вверенных нам, так и других епархий» (Воззвание, 1922, 1). «С[ергий] подписал из желания сохр[анить] места для работы, обольстившись обещанием ввести их – Сергия, м[итрополита] Евдокима, архиеп[ископа] Серафима – в ВЦУ. <...> Подписывали в местн[ой] ЧК», – сообщал подробности осведомленный священник [Журавский, 2004, 512].

Чтобы правильнее оценить поступок митр. Сергия, надо принять во внимание, что еще в апреле 1922 г. (до появления обновленческого ВЦУ) он был арестован, а 10 июня Владимирский губсуд приговорил его к трем годам тюремного заключения (со снижением до года по амнистии) (см.: [Лавринов, 2016, 516]). С этим приговором он был отправлен в Нижний Новгород, где через несколько дней и состоялось подписание «меморандума трех». Таким образом, для митр. Сергия вопрос заключался не только во вхождении в ВЦУ, но и в том, оставаться ему «в ЧК» или нет. При этом он в тот момент не мог иметь точной информации об обстоятельствах возникновения раскольнического ВЦУ в мае 1922 г., а обновленцы утверждали, будто бы патр. Тихон добровольно передал им свою власть.

Можно предположить, что соблазнительный шаг митр. Сергия был обусловлен не только приходящими обстоятельствами (арестом и приговором), но и особенностями его экклезиологических воззрений. В его представлении в Поместной Церкви обязательно должно функционировать высшее управление. Его отсутствие приводит к сомнениям в правильности епископских хиротоний, совершаемых на местах. Разные группы архиереев без санкции и координации со стороны высшей церковной власти начнут ставить на одни и те же кафедры своих выдвинутых. Пойдут

взаимные обвинения в расколе и безблагодатности. Через какое-то время станет крайне сложно судить, где совершаются действительные церковные таинства, а где присутствует одна их видимость. А без благодатных таинств будет ли возможно само спасение душ верующих?

В июне 1922 г. трудно было представить, что св. патр. Тихон вернется к исполнению своих обязанностей, равно как не оставалось надежд на то, что назначенный им заместитель митрополит Ярославский Агафангел (Преображенский) сможет возглавить церковное управление. Значит, по логике митр. Сергия, приходилось признавать ВЦУ еп. Антонина, ибо другого в наличии не было (точнее, была еще худшая альтернатива в лице Центрального комитета «Живой Церкви» свящ. Владимира Красницкого).

Летом 1923 г., после освобождения св. патр. Тихона, ситуация изменилась. Русская Православная Церковь вновь обрела каноническое возглавление. В августе 1923 г. митр. Сергий принес публичное покаяние перед патриархом и в дальнейшем занимал по отношению к обновленческому раскольникам жесткую позицию (к их немалому удивлению). Более того, в отношении к раскольничьим священнодействиям он пошел существенно дальше свт. Тихона и своего непосредственного предшественника — патриаршего местоблюстителя митр. Петра (Полянского). При последнем в 1925 г. был составлен проект «Чиноприема обновленческой иерархии», который хотя и предусматривал весьма разборчивое отношение к кающемуся раскольническому духовенству, фактически признавал остальные таинства обновленцев и не требовал совершать их заново (Чины, 2018, 146).

В представлении же обратившегося из раскола митр. Сергия, действительным могло считаться только Крещение, совершенное обновленцами. Важнейшее значение он придавал факту наложения канонического прещения на вождей раскольников св. патр. Тихоном в апреле 1924 г. (вероятно, он сам, вернувшись тогда в патриаршее окружение, и побудил предстоятеля осуществить такой церковно-административный акт). «В силу этого запрещения, — писал митр. Сергий в 1926 г., — непризнание действительности лишь группы хиротоний и священнодействий распространилось на все обновленческие хиротонии и священнодействия. В настоящее время мы мыслим всех обновленческих епископов и клириков состоящими под запрещением и совершаемые ими хиротонии и прочие священнодействия недействительными (исключая крещение)» (Официальный ответ, 1927, 2).

По мнению заместителя патриаршего местоблюстителя, экклезиологическое положение обновленцев (и старообрядцев-беглопоповцев) было хуже положения англикан и старокатоликов. «Старокатоличество и англиканство отложились от Рима, когда он сам представлял собой раскол. Их отложение было, в сущности, выходом из раскола, хотя и не увенчавшимся доселе воссоединением с Церковью. <...> Наоборот, белокрыницкая и обновленческая иерархии возникли с прямой задачей укрепить раскол в его непримиримости к церкви, тяготение верующих душ к истинному священству заглушить подделкой под него, суррогатом, и тем оттеснить православную иерархию и самим стать на ее место. Задача таких обществ не созидание, а расстройство церковного тела. Вот почему, применяя к первым двум обществам порядок церковной экономии, в отношении вторых церковь не видит оснований отступать от акривии канонов, по крайней мере до тех пор, пока позиция этих двух и им подобных расколов не изменится к лучшему» (Сергий Страгородский, 1935, 6–7).

«Позиция» обновленческого раскола заметно изменилась к лучшему для Московской Патриархии в 1943 г., после избрания митр. Сергия патриархом и связанных с этим церковно-политических событий. В ноябре того года нарком НКГБ В. Н. Меркулов выпустил директиву руководителям местных органов госбезопасности: «...в случае желания обновленческого духовенства перейти в патриаршую сергиевскую церковь препятствовать этому переходу не следует. <...> В случае обращения к Вам за советом агентов из обновленческого духовенства, Вам следует рекомендовать подавать заявления на имя патриарха Сергия» («Обеспечивать проверенной агентурой», 2017/2018,

253). Патриархия была проинформирована о принятом решении, о чем в своем дневнике написал архиеп. Григорий (Чуков): «Как сказал Карпов, председатель Совета, обновленцам „дана директива“ о присоединении к Патриарху» (Александрова-Чукова, 2021, 52). Вопрос об искренности покаяния обновленческих агентов НКГБ в свете указанной директивы кажется риторическим. Определить формальные условия принятия «кающихся» раскольников было предоставлено патр. Сергию и Св. Синоду при нем.

Соответствующие правила были выработаны в декабре 1943 г. В соответствии с ними обновленческие клирики должны были приносить покаяние перед указанной церковной властью духовником, при необходимости допускалось и публичное покаяние в храме. Раскольники, рукоположенные еще в канонической Церкви, принимались в сане, имевшемся у них до отпадения в раскол. В отношении хиротоний, полученных в обновленчестве, допускалось их признание для тех кающихся раскольников, «которые усмотрены будут содействующими и споспешствующими воссоединению других, притом и поставлены архиереями, не вызывающими канонических сомнений» (независимо от даты поставления: до или после апреля 1924 г.). Женатые обновленческие «архиереи», не имевшие «решимости расторгнуть существующий брак», принимались в пресвитерском сане «без надежды архиерейства». Второбрачные лжеархиереи могли приниматься только как миряне (ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 2 а. Л. 58–59). В эту категорию попадал раскольнический «первоиерарх» Александр Введенский. При этом раскольникам настоятельно рекомендовалось поспешить с покаянием до Пасхи 1944 г., после чего условия их приема могли стать строже. В итоге невоссоединенными остались единицы обновленческих клириков с А. И. Введенским во главе.

Что касается патр. Алексия (Симанского), то он в момент возникновения обновленческого раскола в мае 1922 г., в то время — первый викарий Петроградской епархии, епископ Ямбургский, — оказался в самом эпицентре драматических событий. Священномученик митрополит Петроградский Вениамин (Казанский) выпустил свое известное послание, в котором констатировал отпадение от Церкви прот. Александра Введенского и его сораскольников. Епископ Алексей безуспешно умолял митр. Вениамина не делать этого (см.: [Фирсов, 2014, 377]). После ареста правящего архиерея он на правах старшего викария принял расколоторцев в церковное общение и по факту признал обновленческое лже-ВЦУ. «Страшно тяжело все эти дни... — писал он тогда своему духовнику митр. Арсению (Стадницкому). — Чрезвычайное решение по снятии отлучения с Пр[отоиерея] Введенского явилось неизбежным. Б[ыть] может, этим охранится безопасность тех многочисленных несчастных, которые стоят у раскрытых могил» («Видно не испили», 2000, 79–80).

Вопреки надеждам еп. Алексия, его соблазнительный поступок не спас митр. Вениамина, что стало личной трагедией будущего патриарха. С раскольническим ВЦУ он старался никаких деловых контактов не поддерживать и в конце июня 1922 г. направил ему заявление о сложении с себя обязанностей управляющего Петроградской епархией (В Высшее Церковное Управление, 1922, 10). Разумеется, это не осталось без последствий. «Епископ Алексей, — писал о нем в 1927 г. митр. Сергей, — допустил в прошлом ошибку, но имел мужество ее исправить. Притом, он понес такое же изгнание, как и некоторые из его теперешних недоброжелателей» (Алчущие правды, 295). С 1927 г. архиепископ, затем митрополит Алексей был ближайшим соратником митр. Сергия, неизменным членом Временного Патриаршего Священного Синода при заместителе местоблюстителя, вплоть до его роспуска в 1935 г. При Высокопреосвященном Алексии в августе 1929 г. вышло и синодальное постановление, гласившее, что «все священнодействия, совершенные обновленческими клириками после 15 апреля 1924 г., недействительны» (Акты, 1994, 644). Синодальные акты о приеме обновленцев в 1943–1944 гг. также, разумеется, появились при его участии.

При этом оценки сути обновленческого раскола со стороны патр. Алексия I были жестче, чем со стороны патр. Сергия. В частности, ему приписывались (А. Б. Свенцицкий) слова: «Обновленческий раскол ужасен не тем, что был у них женатый епископат

и так далее, а прежде всего тем... что по наущению дьявола они — А. И. Введенский, В. Красницкий и другие — совершали литургию на крови...» — то есть помогали советским карательным органам осуществлять репрессии в отношении церковных ревнителей (Свенцицкий, 1997, 38–39). Очень выразительную оценку обновленчеству Святейший Алексий дал в 1947 г. при вручении архиерейского жезла новопоставленному еп. Исидору (Богоявленскому, первому ректору Ленинградской духовной академии): «Еще недавно мы переживали расколы и разделения в Церкви нашей, и среди них — худший из всех бывших расколов — раскол обновленчества; худший потому, что он презрел все самое священное в Церкви, нарушил все церковные Правила; вся деятельность раскольников была предательством Церкви; как язва, как червь подтачивала она тело церковное; носила на себе печать Иудина окаянства, печать хулы на Духа Святаго...» (Речь, 1947, 50).

Подводя итог и несколько упрощая картину, можно сказать, что все три патриарха Московских, которым довелось иметь дело с обновленческим расколом, видели в нем явление внецерковное и безблагодатное. Но если св. патр. Тихон делал акцент на *тяжком грехе* обновленцев, лишаящем их благодати, то патриарх (митрополит) Сергей — на факте *запрещения* их в священнослужении, то есть на административном акте высшей церковной власти. Патриарх Алексий в плане управленческих решений был полностью солидарен со своим непосредственным предшественником, но в плане сущностной оценки обновленчества как *иудина предательства* был ближе к свт. Тихону.

Источники и литература

Источники

1. Акты (1994) — Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти, 1917–1943 / Сост. М. Е. Губонин. М.: Изд-во ПСТБИ, 1994. 1064 с.
2. Александрова-Чукова (2021) — *Александрова-Чукова Л. К.* Архиерейский Собор 21–23 ноября 1944 года, его цели и задачи: свидетельство участника — архиепископа Григория (Чукова) // Церковь. Богословие. История. 2021. № 2. С. 49–67.
3. Алчущие правды (2010) — Алчущие правды: Материалы церковной полемики 1927 года / Сост., авт. вступ. ст. свящ. А. Мазырин, О. В. Косик. М.: Изд-во ПСТГУ, 2010. 424 с.
4. В Высшее Церковное Управление (1922) — В Высшее Церковное Управление // Живая Церковь. 1922. № 4–5. С. 10.
5. Воззвание (1922) — Воззвание // Живая Церковь. 1922. № 4–5. С. 1.
6. Введенский (1922) — *Введенский А. И., прот.* Церковь и Революция. [Уход патриарха Тихона]: Доклад во дворце Урицкого 4-го июня 1922 г. Пг.: Тип. при Смольном, 1922. 31 с.
7. «Видно не испили» (2000) — «Видно не испили мы до дна всю чашу положенных нам испытаний». Письма епископа Ямбургского Алексия (Симанского) митрополиту Новгородскому Арсению (Стадницкому). 1921–1922 гг. / Публ. М. И. Одинцова // Исторический архив. 2000. № 1. С. 35–84.
8. ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 2 а.
9. Записки (1999) — Записки священника Сергея Сидорова, с приложением его жизнеописания, составленного дочерью, В. С. Бобринской. М.: Изд-во ПСТБИ, 1999. 296 с.
10. «Обеспечивать проверенной агентурой» (2017/2018) — «Обеспечивать проверенной агентурой из числа духовенства»: Директивы НКГБ СССР о Поместных Соборах Русской Православной Церкви 1943 и 1945 гг. из архива Службы безопасности Украины / Публ. А. Бермана и Р. Скакуна // Церковно-исторический вестник. 2017/2018. № 24–25. С. 247–257.
11. Официальный ответ (1927) — Официальный ответ Заместителя Российского Патриаршего Местоблюстителя Высокопреосвященного Митрополита Сергея на письмо одного

из обновленческих архиереев // Церковные ведомости, издаваемые при Архиерейском Синоде Русской Православной Церкви за границей. 1927. № 9–10. С. 1–3.

12. Раскол в духовенстве (1922) — Раскол в духовенстве // Правда. 1922. 7 мая.

13. Речь (1947) — Речь Святейшего Патриарха Алексия, произнесенная при вручении жезла новопоставленному епископу Таллинскому и Эстонскому Исидору в Никольском соборе в г. Ленинграде // Журнал Московской Патриархии. 1947. № 7. С. 50.

14. Свенцицкий (1997) — *Свенцицкий А. Б.* Они были последними? М.: Грааль, 1997. 192 с.

15. Сергей Страгородский (1935) — *Сергий (Страгородский), митр.* Значение апостольского преемства в инославии // Журнал Московской Патриархии. 1935. № 23–24. С. 3–11.

16. Следственное дело (2000) — Следственное дело Патриарха Тихона: Сб. док. по материалам ЦА ФСБ РФ. М.: Изд-во ПСТБИ; Памятники исторической мысли, 2000. 1048 с.

17. Чины (2018) — Чины приема в Православную Церковь из обновленческого раскола. Документы Патриарха Тихона и Патриаршего Местоблюстителя митрополита Петра 1923–1925 гг. / Публ. свящ. А. В. Мазырина и диак. С. К. Николаева, вступ. ст. и примеч. свящ. А. В. Мазырина // Вестник ПСТГУ. Сер. II: История. История Русской Православной Церкви. 2018. Вып. 85. С. 133–149.

Литература

18. Журавский (2004) — *Журавский А. В.* Во имя правды и достоинства Церкви: Жизнеописание и труды священномученика Кирилла Казанского в контексте исторических событий и церковных разделений XX века. М.: Сретенский м-рь, 2004. 864 с.

19. Лавринов (2016) — *Лавринов В., прот.* Обновленческий раскол в портретах его деятелей. М.: Об-во любителей церковной истории, 2016. 736 с.

20. Фирсов (2014) — *Фирсов С. Л.* «Власть и огонь»: Церковь и советское государство. 1918 — нач. 1940-х гг. Очерки истории. М.: ПСТГУ, 2014. 474 с.